

Политика России на Балканах накануне Первой мировой войны: ключевые аспекты проблемы*

Тема политики России на Балканах накануне Первой мировой войны традиционно относится к числу наиболее дискуссионных аспектов европейской истории указанного периода. Диапазон оценок и подходов в отечественной и мировой историографии имеет максимально широкий характер. На одном фланге — позиция приверженцев американских исследователей Барбары и Чарльза Елавичей, обвинявших Россию в стремлении взять под свой контроль весь регион Юго-Восточной Европы, руководствуясь в том числе и в особенности идеями славянской взаимности и панславистскими настроениями в российском обществе. На другом фланге — сторонники так называемой «школы Покровского», которые в качестве ключевого фактора российской политики на Балканах и в более глобальном масштабе видят исключительно стремление установить контроль над Черноморскими проливами, считая поиском обходного пути к ним в том числе и русско-японскую войну 1904–1905 гг. Впрочем, известное и весьма справедливое высказывание самого Михаила Николаевича Покровского из озвученного в 1928 г. доклада «Общественные науки в СССР за 10 лет» о том, что «история — это политика, опрокинутая в прошлое», во многом объясняет остроту продолжающихся дискуссий на тему политики России на Балканах.

Если попытаться сформулировать некоторые ключевые, по нашему мнению, аспекты и факторы данной политики, то они могут звучать следующим образом:

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии, проект № 20-59-18004.

1. Стремление России укрепить собственные военно-политические позиции в европейском и евроазиатском регионах;
2. Исторически сложившийся курс на оказание поддержки национально-освободительным движениям балканских народов — в том числе (но не только) исходя из этно-конфессиональной близости;
3. Реализация экономических интересов посредством выхода на новые рынки сбыта;
4. Обеспечение династических интересов посредством укрепления связей с балканскими правителями;
5. Понимание важности региона как одного из ключевых геополитических полигонов выстраивания общей системы международных отношений в Европе и взаимоотношений между ведущими мировыми державами;
6. Личные настроения и симпатии российских дипломатов в отношении балканских народов.

При этом вряд ли можно отрицать, что и сами балканские народы исторически стремились играть всё более активную роль в европейских делах, одновременно оставаясь в тени «более сильных государств, находясь в пересечении их интересов»¹. Это, в свою очередь, ставит в научную повестку дня решение более общей задачи, которая может быть сформулирована как «комплексная проблема национальных движений на Балканах и формирования государственности у народов этого региона»².

В числе вышеперечисленных факторов весьма перспективным в плане углубленного изучения представляется анализ взглядов тех или иных российских дипломатов, напрямую участвовавших в выработке балканской политики России, но при этом занимавших подчас весьма различные позиции.

После завершения Балканских войн 1912–1913 гг. на повестку российской дипломатии встала задача по-новому выстроить систему и приоритеты союзнических отношений в регионе. И здесь российское внешнеполитическое ведомство важную роль отводило Александру Михайловичу Петряеву (1875–1933), как одному из ведущих знатоков балканских вопросов.

Российский дипломат однозначно выступал за создание сильного югославянского государства, формирующегося вокруг Сербии и призванного стать надежным союзником России. В это государство, по его мнению, могли бы войти и югославянские народы Австро-Венгрии. «Возникновение единой Великой Сербии или Сербохорватского государства было бы самым удачным решением югославянского вопроса, и в русских интересах стремиться к тому, чтобы эта политическая комбинация осуществилась. Сильное славянское государство с 14 млн жителей, обосновавшееся на берегах Адриатического моря, интересы коего нигде не сталкиваются с русскими, было бы, конечно, весьма желательным элементом в нашей будущей западноевропейской политике», — докладывал А.М. Петряев в Санкт-Петербург в начале 1914 г.³

Вышеуказанная позиция А.М. Петряева в целом пересекалась с предложениями российского посланника в Сербии барона Николая Генриховича Гартвига (1857–1914). Однако последний, впрочем, выступал с гораздо более радикальных позиций, настаивая на формировании не абстрактного «югославянского государства», а конкретно максимально территориально расширившейся Сербии, в состав которой должны были войти не только югославянские области монархии Габсбургов, но и Черногория⁴.

Вместе с тем, Россия должна была учитывать, что сербский вопрос на Балканах находился в тесной политической, территориальной, экономической и социо-культурной взаимосвязи с вопросом албанским. А последний находился в прямом ведении Совещания послов великих держав, открывшегося в Лондоне в декабре 1912 г., которое В.И. Ленин однажды весьма метко назвал «театром грязни и интриг так называемых великих держав»⁵.

В рамках поиска решения албанской проблемы российское министерство иностранных дел обратилось к дипломатам, работавшим на Балканах, с просьбой подготовить собственные предложения на этот счет. Наиболее проработанными в итоге были признаны проекты российского посланника в Софии А.В. Неклюдова и консула в Митровице А.М. Петряева. Оба документа были весьма близки по содержанию и, в частности, предусматривали сохранение верховного суверенитета турецкого султана над Албанией при одновременном расширении ее автономных прав.

При этом Неклюдов настаивал на выводе с албанской территории турецких войск⁶. Петряев же соглашался на их присутствие под командованием турецкого генерал-губернатора, но при этом предлагал установить контроль над ним со стороны специальной комиссии представителей шести великих держав⁷.

Именно данная идея в итоге и была реализована в рамках Лондонского совещания, притом, что российское министерство иностранных дел формально отказалось делать выбор в пользу какого-либо из двух проектов, сведя их в один документ и переслав обобщенный вариант в Лондон, где посол России А.К. Бенкендорф доложил его на совещании.

Следует особо отметить, что А.М. Петряев являлся в российском дипломатическом корпусе на Балканах одним из наиболее нестандартно мыслящих дипломатов, умевшим просчитывать неординарные политические комбинации. В частности, он выступал за максимально возможное территориальное расширение албанских границ в южном направлении — за счет Греции. Соответствующая идея (находившаяся в противоречии с общепринятым в российском внешнеполитическом ведомстве мнением в поддержку Греции) была озвучена А.М. Петряевым в частном письме из Лондона на имя директора 2-го политического (Ближневосточного) департамента МИД России князя Г.Н. Трубецкого от 12 марта 1913 г. Дипломат считал расширение территориальных пределов новообразованного албанского государства в южном направлении (в сторону Греции) выгодным для России в связи с тем, что подобное расширение способно сдержать и компенсировать аналогичный процесс в направлении Сербии и Черногории, а также противодействовать росту националистических настроений в самой Албании. Кроме того, Петряев прямо обвинил сербов в том, что они своими действиями ужесточают позицию Австро-Венгрии в вопросе сербо-албанского территориального разграничения и, в частности, по поводу принадлежности города Джяковица. Вот фрагмент этого заслуживающего внимания письма:

«Проведение ее (Албании. — *П. И.*) южной границы представляет некоторые особенности по сравнению с северо-восточной границей. Население местностей к югу от р. Шкумбии, хотя эт-

нически албанское, но столь давно находилось под исключительным влиянием греческой пропаганды и культуры, проникших туда при помощи культурных и школьных установлений, что оно носит несомненно ярко выраженный греческий характер. Вследствие этого расширение юго-восточной границы Албании введет во вновь создаваемое государство много эллинизированных элементов, которые явятся крупной помехой к развитию и процветанию албанского национализма.

Греческая пропаганда уже имеет в своем распоряжении готовые и прекрасно оборудованные школы, крепко сплоченные и богатые общины, разные благотворительные учреждения и т.п., между тем как албанским националистам придется всё это создавать с начала. Таким образом, при устройстве будущего самоуправления Албании греческое влияние на местные дела будет очень значительно, тем более что эллинизированные элементы южной Албании — почти единственный ресурс для вербования администрации и чиновничества. На этой почве между албанскими националистами и греками будет происходить упорная борьба. Влахи окажутся, конечно, на стороне албанских националистов.

Из разговоров с моим австрийским коллегой здесь, Ибкеном, я убедился, что австрийцы учитывают это обстоятельство и с этой точки зрения расширение Албании на юго-восток им не очень улыбается вследствие введения в большой дозе греческих элементов. С другой стороны им не нравится увеличение Албании на юг еще и потому, что этим как бы открывается большой район для экономического и политического проникновения Италии, которая уже имеет значительные коммерческие связи с югом. Они по-видимому ограничатся поддержкой итальянского проекта границ на юге по р. Каламас.

Если иметь в виду приведенные выше соображения, то окажется, что расширение Албании на юг для нас, может быть, вовсе не так нежелательно, и мы могли бы уступить даже Корицу (Корча. — *П. И.*).

В южной Албании очень большое значение будет иметь церковный вопрос. Там находятся теперь четыре греческих митрополита (в Берате, Конице, Аргирокастре (Гирокастра. — *П. И.*) и Корице). Вся школьно-церковная организация, вместе с общин-

ной, находится под верховным ведением Кон[стантино]польского Патриарха. Это обстоятельство также говорит в пользу сохранения суверенитета султана над Албанией. В случае признания этой области совершенно независимой, возникнет сложный вопрос об отношении греко-албанских митрополитов и их паствы к Кон[стантино]польскому Патриарху. В конце концов благодаря разным политическим интригам связь эта ослабнет, и я не сомневаюсь, что албанские националисты из христиан, поддерживаемые Австрией, и совместно с влашко-румынской пропагандой будут стремиться к созданию албанской автокефальной церкви — то есть новой схизме.

Думается это — не в наших интересах. Мне кажется, что в будущем статуте Албании права и привилегии Вселенской Церкви должны быть особо оговорены. Выступая в роли защитников интересов православной церкви, представляемой Патриархом, мы только выполним нашу традиционную задачу»⁸.

Впрочем, и по вопросам сербо-албанского разграничения позиция А.М. Петряева далеко не всегда вписывалась в общую канву российских усилий на Лондонском совещании послов великих держав и оценок, превалировавших в Санкт-Петербурге. В частности, он обвинял сербов в том, что они своими чрезмерно экспансионистскими планами территориального расширения обостряют проблему и ужесточают позицию Вены: «Я думаю, что австрийцы уступят Дьяково (Джяковица. — *П. И.*) и может быть давно бы сделали это, если бы не было со стороны сербов разных неуместных заявлений и выступлений, qui indisposent les autrichiens [которые беспокоят австрийцев]»⁹.

Подобный гибкий и аналитический подход Петряева не теряет своей актуальности даже с точки зрения практики и реалий сегодняшнего дня. В частности, он вполне соотносится с концепцией, которую недавно озвучил российский исследователь А.Д. Богатуров. По его словам, «переговоры по поводу контроля над территориями могут иметь самостоятельное значение. Они воплощают мечты о совместном коллективном, в отличие от единоличного удовлетворения интересов. С равной вероятностью возможен прогресс элемента конфликта или сотрудничества в общей ситуации в зависимости от того, будет ли найдено объ-

единяющее стороны решение. Конфликт в зависимости от сил, которые за ними стоят, может быть внутривластным или международным. Нарастание первого в современных условиях ведет к его превращению в конфликт второго рода. Обострение противоречий влечет вовлечение в него вооруженных сил иностранного государства»¹⁰.

А.М. Петряев занимал гибкую позицию и еще по одному принципиальному международно-правовому вопросу, получившему свою особую актуальность накануне и в годы Первой мировой войны, — о принципах преемственности соглашений в случае перехода затрагиваемой ими территории от одного государства к другому. Он подчеркивал, что «принцип сохранения обязательств, заключенных одним государством по отношению к какой-нибудь территории, с переходом этой последней под власть другого, обыкновенно соблюдается, но что необходимо делать различие между обязательствами, уже получившими реальное осуществление, и теми, которые являются в некотором роде *in spe* [в надежде]»¹¹.

В середине октября 1913 г., согласно решению Лондонского совещания послов великих держав, в Албании начала свою работу Международная контрольная комиссия. К чести ее делегатов, в том числе российского комиссара в Албании А.М. Петряева, они пытались объективно разбираться в сложной ситуации и, в частности, не принимали на веру все те взаимные сербо-албанские обвинения, в которых подчас преобладали эмоции, а не факты. В частности, 21 октября 1913 г. Петряев весьма сдержанно сообщал в Санкт-Петербург, что «по имеющим здесь сведениям в разных городах Албании действительно теперь находятся несколько десятков тысяч беженцев из пограничных областей», не подтверждая при этом официально конкретные факты массовых антиалбанских репрессий в присоединенных к Сербии областях — не только в силу особого характера сербо-русских отношений, но и прекрасно понимая, как осторожно следует подходить к громким заявлениям, требованиям и обвинениям, которые рождаются в горячих балканских головах¹². «Число самозванных правителей здесь увеличивается с каждым днем, — сообщал он в январе 1914 г. в МИД. — Всякий набравший шайку

в несколько вооруженных лиц провозглашает себя правителем до тех пор, пока его не сменил другой, более сильный. Беспристрастные наблюдатели из албанцев говорят о временах турецкого управления как о чем-то совершенном в сравнении с теперешнею анархией»¹³.

25 октября 1913 г. Петряев изложил в отдельной депеше из Влеры ситуацию, сложившуюся в Албании, и обрисовал усилия Австро-Венгрии и Италии, направленные на укрепление в ней собственных позиций. По его данным, «временное правительство, председательствуемое здесь Измаил Кемаль Беем (Исмаил Кемали. — *П. И.*), поспешило до прибытия Контрольной комиссии в Валону (Влера. — *П. И.*) раздать разные концессии австрийским и итальянским предпринимателям.

На открытие Албанского банка, с приданием ему характера государственного учреждения, выдана концессия австро-итальянской группе, дающей в равных долях около 20.000.000 франков. Соответствующее обязательство было подписано Измаил Кемаль Беем в Вене около шести месяцев тому назад. Последние же формальности были выполнены позже, накануне прибытия европейских делегатов. Финансовые группы, подписавшие это соглашение, выговорили себе право окончательного утверждения его в течение трех месяцев.

Вторая концессия выдана на производство изысканий по проложению железнодорожного пути от Скутари (Шкодер. — *П. И.*) через Эльбасан на Валону.

Техническая комиссия, состоящая из австрийских и итальянских инженеров, уже выехала из Валоны.

Затем временное правительство, по-видимому, обещало предоставить австрийским предпринимателям преимущественное право на открытие и оборудование в Валоне албанской государственной типографии, некоторые машины для которой уже доставлены из Триеста. Четвертая концессия на проложение электрического трамвая от Валонской бухты до города, на протяжении приблизительно 4 километров, отдана итальянцам»¹⁴.

«Если не считать этой последней концессии, имеющей местный характер, — продолжает Петряев, — три остальные затрагивают жизненные интересы Албании, имеют громадное по-

литическое значение и ставят Австрию и Италию в особое преимущественное положение. Не говоря уже о Банке, который будет держать в своих руках всю экономическую и финансовую жизнь страны, будущая государственная типография несомненно получит право выпуска марок, денежных знаков и государственных бумаг.

Главная роль в раздаче всех этих концессий принадлежит Кемалю Бейю. Когда вопрос этот обсуждался в здешнем Совете министров, то некоторые члены кабинета отказались дать свои подписи.

Известие о выдаче концессий австрийцам и итальянцам вызвало взрыв негодования в большей части населения. Во многих местах были устроены митинги протеста. В письменных и словесных жалобах на Измаил Кемаль Бейя, поступающих в Комиссию, одним из главных пунктов обвинения стоит вопрос о незаконной выдаче концессий иностранцам.

Французский, английский делегаты и я, согласно полученным нами инструкциям, предполагаем поднять в Комиссии вопрос о признании всех этих обязательств. Надо думать, что мы встретим очень сильную оппозицию со стороны австрийского и итальянского делегатов...

...Мне кажется, что концессии в Албании должны быть разделены на два рода — общегосударственного значения, как Банк, типография, и коммерческого характера, как постройка трамваев, дорог, оборудование портов и т.п. Первого рода концессии должны быть интернационализированы с предоставлением каждой великой державе соответствующей доли, а второго рода концессии должны лишь подлежать контролю Комиссии»¹⁵.

Тема особых отношений Исмаила Кемали с Веной и Римом получила свое дальнейшее развитие. 8 ноября 1913 г. Петряев сообщил из Влеры нижеследующее:

«Кроме тех более или менее официальных сношений, которые по разным делам Контрольная комиссия установила с председателем временного валонского правительства, австрийский и итальянский делегаты постоянно ведут с ним частные переговоры от имени своих правительств, в целях обеспечения за ними разных особых прав и привилегий.

Из моих предыдущих донесений Вашему превосходительству уже известно о концессиях, предоставленных валонским правительством итальянским и австрийским предпринимателям.

На днях до сведения английского делегата дошло, что итальянское правительство по соглашению с австрийским вступило в негласные переговоры с Измаил Кемаль Беем о приглашении им на службу австрийских и итальянских советников для устройства и упорядочения различных отраслей администрации и юстиции»¹⁶.

А.М. Петряев был не единственным, кто весьма скептически оценивал деятельность Международной контрольной комиссии в Албании. Джордж Фред Уильямс, посол США в Афинах, вернувшись в конце июня 1914 г. из поездки по Северной Греции (Эпир), подверг работу Комиссии еще более жесткой критике, назвав со страниц нью-йоркской газеты «The Sun» ее действия «эпохальным скандалом анархии, некомпетентности, лицемерия и убийства»: «Я нашел князя — который сам себя именует королем — без власти, без территории и без подданных, за исключением его собственных жены и детей. Моим первым побуждением было найти албанское правительство. Я не обнаружил никого, за исключением шести военных кораблей, но и те застыли в молчании. Зато в поле зрения находились пять мнимых правительств: 1. Шесть великих держав со всей властью; 2. Международная комиссия, контролирующая гражданскую администрацию и финансы; 3. Голландская жандармерия, контролирующая военных; 4. Князь без какой-либо оставшейся власти и 5. Министерство без власти.

Каждое из этих правительств борется друг с другом, а первое (великие державы. — *П. И.*), по-видимому, настолько поражено разногласиями в своих рядах, что предоставило остальным их собственной судьбе»¹⁷.

Начавшаяся Первая мировая война перевела проблему обеспечения российских интересов на Балканах и в Центральной Европе в новую плоскость, поставив на повестку дня судьбу самой Австро-Венгрии как единого государства. И в этой связи предшествующие наработки А.М. Петряева оказались востребованными. Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов дал указание

дипломату заняться изучением положения славян в Австро-Венгрии и выработкой проекта будущего обустройства населенных ими территорий. В марте 1916 г. он получил назначение советником Второго (Ближневосточного) политического отдела МИД и проявил на этом посту все свои лучшие качества. Обратимся к документу под красноречивым названием «Список к наградам, испрашиваемым за служебные отличия по Министерству иностранных дел, за труды, понесенные при условиях военного времени. За выдающиеся отличия», обнародованному в начале 1917 г. В нем сообщается, что к ордену Св. Владимира 4-ой степени представляется «советник Второго политического отдела Министерства иностранных дел, статский советник Александр Петряев. Вероисповедания православного. Кавалер орденов: Св. Анны 2 ст[епени] и Св. Станислава 3 ст[епени]. С выдающимся усердием заведует Вторым политическим отделом, деятельность которого, в особенности при современном политическом положении, требует особой подготовки, основательного знания дел Ближнего Востока и крайне напряженного труда»¹⁸.

Не менее важной фигурой в «балканском сегменте» российского внешнеполитического ведомства накануне Первой мировой войны являлся посланник в Белграде Н.Г. Гартвиг. Он, в частности, сыграл важную роль в разрешении серьезного внутривосточного кризиса в Сербии в конце 1913 г., вызванного разногласиями между ведущими сербскими политиками относительно политики страны, в том числе в албанском вопросе. Действующее правительство Николы Пашича, используя голоса депутатов-старорадикалов, могло получить необходимый для работы кворум и добиться принятия данного законопроекта без участия в заседании депутатов от оппозиционных партий. Тем не менее, кабинет принял решение уйти в отставку, будучи уверенным, что ни одна из оппозиционных партий не сумеет образовать работоспособное правительство, а на новых выборах старорадикалы получат подавляющее большинство голосов избирателей¹⁹.

Сразу после объявления перерыва в работе скупщины Пашич посетил Гартвига и изложил ему свои соображения относительно будущего возглавляемого им кабинета. На замечание российского дипломата о серьезной опасности осуществления

вышеуказанной комбинации в условиях отсутствия политической стабильности в стране и на Балканах в целом, Пашич, в принципе согласившись с подобными опасениями, подчеркнул, что, принимая решение об отставке, его правительство руководствовалось следующими соображениями. Во-первых, с точки зрения интересов Сербии, сознательное допущение внутривнутриполитических осложнений именно в данное время представляется более безопасным шагом, нежели осуществление этого плана весной будущего года, когда резко возрастет вероятность разного рода внешнеполитических осложнений. Во-вторых новый кабинет, если он будет сформирован усилиями оппозиции, в первую очередь, младорадикалов и напредняков, будет, по его мнению, неукоснительно следовать нынешнему внешнеполитическому курсу Сербии. По словам Пашича, решение о необходимости отставки будет принято после всестороннего обсуждения данного вопроса в Совете министров, а непосредственным предлогом должно послужить прошение об отставке, поданное военным министром генералом М.Божановичем, ввиду отказа правительства утвердить представленную им смету военных расходов²⁰.

На заседании скупщины 29 декабря 1913 г., несмотря на демонстративное отсутствие всех депутатов от оппозиционного блока, правительству Пашича удалось собрать необходимый кворум и провести через парламент законопроект о государственном бюджете, который получил одобрение 85 депутатов при одном голосе «против»²¹. Однако после окончания заседания представители трех оппозиционных партий (Либеральной, Младорадикальной и Напредняцкой) имели беседу с Пашичем, в ходе которой поставили его в известность, что они будут неукоснительно придерживаться избранной ими тактики обструкций, направленной на срыв нормальной работы законодательного органа²². В этих условиях, на следующий день 30 декабря, утром, старорадикальный кабинет подал королю прошение об отставке. Сразу вслед за этим Пашич побывал в российской дипломатической миссии, где сообщил Гартвигу о принятом решении²³. К этому моменту российский посланник уже имел на руках секретную телеграмму Сазонова, датированную 29 декабря, в которой министр аргументировал позицию российского правительства, считавшего

желательным сохранение у власти кабинета Пашича. Сазонов отмечал, что в МИД России полностью разделяют опасения самого Гартвига относительно оставления Пашичем своего поста при далеко еще не выяснившейся внешнеполитической обстановке. По его словам, существовала реальная опасность возникновения на Балканах новых осложнений, которые могли потребовать использования политического опыта и выдержки главы Старорадикальной партии, которые сыграли свою позитивную роль в событиях осени 1913 г., связанных с ультиматумом Австро-Венгрии, и не позволили произойти непоправимым для самой Сербии событиям²⁴.

Пашич был глубоко тронут высокой оценкой его деятельности на посту главы сербского правительства, но твердо заявил Гартвигу, что обязан подать в отставку в силу конституционного порядка. Однако, по его словам, вопрос о власти еще не решен, ибо окончательное заключение будет зависеть от короля. Пашич процитировал российскому посланнику текст представленной им королю Петру докладной записки, в которой намечался оптимальный, с его точки зрения, выход из создавшегося положения: «В случае желанія Его Величества оставить у власти правительство, пользующееся доверием большинства народных представителей, представлялось бы необходимым распустить скупшину и назначить новые выборы»²⁵. Со своей стороны, Гартвиг рекомендовал Пашичу довести содержание вышеуказанной телеграммы Сазонова до сведения короля, с которым у него была назначена аудиенция на 4 часа в тот же день²⁶.

В ходе данной аудиенции король Петр заявил Пашичу, что лично он испытывает по отношению к нему доверие и желает оставить у власти его кабинет. Тем не менее, согласно конституции, он должен обсудить вопрос о формировании нового правительства с лидерами оппозиционных партий²⁷.

В результате переговоров король, на основании сделанного им вывода о невозможности для оппозиции образовать работоспособный кабинет, поручил Пашичу продолжать исполнять обязанности председателя совета министров. Король также предоставил ему право ходатайствовать о роспуске данного состава скупщины, если оппозиция не изменит своей тактики после во-

зобновления парламентской сессии. Встретившись затем с российским посланником, Пашич настоятельно просил его передать Сазонову искреннюю признательность за высокую оценку своей деятельности²⁸.

3 января 1914 г. кабинет Пашича, после обсуждения вопроса в Старорадикальном клубе и на заседании совета министров, принял окончательное решение продолжать функционировать в своем полном составе, за исключением военного министра, вопрос о преемнике которого должен был быть решен дополнительно²⁹.

На заседании скупщины 4 января, несмотря на продолжавшееся отсутствие депутатов от оппозиции, 88 голосами против одного был утвержден предложенный правительством законопроект о двух двенадцатых государственного бюджета, а также об ассигнованиях, необходимых ему на обустройство новых областей³⁰.

Вышеприведенные примеры наглядно иллюстрируют, что политика России на Балканах в рассматриваемый период носила комплексный многовекторный характер, учитывая целый ряд фактов и аспектов. Она базировалась на знании и понимании ситуации и весьма точном расчете последствий тех или иных политических комбинаций. А незаурядные фигуры работавших на Балканах российских дипломатов позволяли Петербургу лучше понимать ситуацию и выработать более эффективные решения.

Примечания

¹ *Махмутай Н.М.* Политическая философия в Албании периода Национального возрождения // Вопросы истории (далее — ВИ). 2020. № 3. С. 243–249.

² *Искендеров П.А.* Призренская лига в контексте формирования албанской государственности // ВИ. 2021. № 6 (2). С. 187.

³ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 161. Л. 24–26, 33.

⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 5270. Л. 8–9.

⁵ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 23. М.: Изд-во политической литературы, 1973. С. 38.

⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1349. Л. 142–143.

⁷ АВПРИ. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 195. Л. 86–87.

⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2087. Л. 269–272.

- ⁹ «Которые портят настроение австрийцам» // АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2087. Л. 272.
- ¹⁰ *Богатуров А.Д.* Процессы мира и войны // Международные процессы. 2016. № 3. С. 30.
- ¹¹ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: сборник документов / Министерство иностранных дел Российской Федерации. Тула: Аквариус, 2014. С. 127.
- ¹² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 19. Л. 11.
- ¹³ Цит. по: Краткая история Албании. М.: Наука, 1992. С. 257.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2113. Л. 10.
- ¹⁵ Там же. Л. 10–11.
- ¹⁶ Там же. Л. 12.
- ¹⁷ The Sun. 27.06.1914.
- ¹⁸ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны... С. 762.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 458.
- ²⁰ Там же. Л. 461.
- ²¹ Там же. Л. 462.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. Л. 460, 462.
- ²⁴ Там же. Л. 462.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Л. 464.
- ²⁷ Там же. Л. 462; Д. 2912. Л. 13.
- ²⁸ Там же. Д. 2912. Л. 13.
- ²⁹ Там же. Д. 531. Л. 464.
- ³⁰ Там же. Л. 465.